

ГЛАВА 8

Две луны, словно омытые небесной чистотой, изливали на мир мягкое, призрачное сияние. Лужи на земле мерцали серебристой чешуёй. Лу Энь, не чувствуя ни малейшего желания спать, прислонился к оконной раме. Прохладный ночной ветерок обдувал лицо, но мысли его были заняты другим: он никак не мог забыть о намерении Великой наложницы убить Фэн Лэйяня. Днём он расспрашивал старшего сокурсника Фэнлиня об истории государства Фэнтянь, но тот лишь вкратце обрисовал общую картину. Единственное, что было известно всем: она категорически отказывалась признавать Фэн Лэйяня своим сыном.

Когда-то она была супругой князя Бао, но позже стала любимицей покойного императора и стремительно возвысилась до своего нынешнего положения. Двухлетнего Фэн Лэйяня взял на воспитание князь Ин, вложив все силы в его образование. Однако тот рано ушёл из жизни, и юноша унаследовал титул. В двадцать лет он прославился чередой невероятных подвигов, а в двадцать два был провозглашён «генералом Фэньянем». Трусливые люди бледнели при одном упоминании его имени — его беспощадность в бою и гениальность стратега внушали суеверный ужас.

— Младший брат Фэн И? Ты ещё не спишь? — старшие братья, вызванные к настоятелю, тихо приоткрыли дверь, боясь разбудить тех, кто уже должен был видеть десятый сон.

— Завтра я покидаю обитель, — негромко ответил Лу Энь. — Пусть три месяца — срок недолгий, но я благодарен вам всем за заботу. Теперь мне даже немного грустно уходить.

Всё это время казалось ему прекрасным сном, и столь резкие перемены в жизни всё ещё не укладывались в голове.

— Ой-ой, наш Фэн И не хочет расставаться со своими красавцами-братьями! — одиннадцатый брат, большой любитель подшутить, по-хозяйски закинул руку ему на плечо и расхохотался.

— Ещё бы! — подхватил другой. — Мы не только дрова рубили да воду за тебя носили, но и постоянно проявляли «душевную щедрость», утешая этого сопляка! Как тут не расстроиться? Ха-ха!

— Да просто он по дому соскучился, вот и не спится, — старший брат со смехом потрепал Лу Эня по голове. — Завтра увидишь родных, какое уж тут забытьё? Ребёнок, он и есть ребёнок!

— Всего нет! — проворчал Лу Энь, хотя в глубине души невольно улыбнулся.

— Ладно, хватит над ним подтрунивать. Завтра Фэн И уходит, так почему бы нам не провести эту ночь за доброй беседой? Устроим прощальный пир.

— Фэнлинь, золотые слова! Я мигом за вином.

— Старший брат, погоди, я с тобой!

— И я, двоим столько не унести!

Ради прощания братья расщедрились и выкатили из подвала десяток кувшинов отличного вина. Все уселись в круг, смеялись, травили байки и наперебой рассказывали о родных краях. Веселье лилось рекой, и вскоре Лу Энь, чья стойкость к хмелю была весьма сомнительной, захмелел. Щёки его вспыхнули румянцем, взгляд затуманился. Поддавшись порыву, он, пошатываясь, поднялся и высоко поднял чашу:

— У меня... нет братьев... Вы... вы стали мне... родными...

— Фэн И, да ты в стельку, — сокрушённо хмыкнул Фэнчжэнь. Он не ожидал, что младший брат «сломается» так быстро.

— И ничего не в стельку! — Лу Энь надулся, а затем вдруг хихикнул. — Ик! «Не видишь ты — воды Хуанхэ низвергаются с неба... К морю текут, и нет им пути назад... Не видишь ты — в высоких чертогах печально глядят в зеркала... Утром те косы были черны, как шёлк, а к вечеру снег их покрыл...»

Он невольно процитировал Ли Бая.

— Младший брат? — монахи замерли, поражённые его пьяной речью.

Вспомнив о таланте, который Лу Энь проявил на государственном пиру, они прекратили шум и затаили дыхание. Те, кто уже слышал о его даровании, жаждали узнать больше; те же, кто видел это впервые, боялись пропустить хоть слово.

— Ха-ха... «Коль жизнь удалась, наслаждайся по полной, не смей под луною чашу держать пустой... Коль небо талантом тебя одарило — в дело его пускай! Прокутишь за раз золотых десять тысяч — они возвратятся вновь...» — Лу Эню стало жарко. — «Колокола и яства — пустая ценность... Лишь мудрецы былых времён... вовеки не знают скуки...»

Голос стал обрываться, слова путались — хмель окончательно взял верх.

— Что ж, на этом и закончим, — Фэнлинь осторожно подхватил обмякшего младшего брата на руки. — Идите спать. И помните: о том деле — ни слова. Лу Энь вернётся домой и сам всё поймёт, нам не след болтать лишнего.

Братья переглянулись, и их тревога постепенно сменилась пониманием.

— Слушаемся.

***

— Это он сочинил в пьяном бреду? — человек в белых одеждах, сидящий за столом, с удивлением перечитал строки на бумаге.

Преклонивший колено человек в чёрном ответил:

— Подчинённый не смеет лгать господину. Эти стихи Фэй Юэлю декламировал, будучи совершенно пьяным. Возможно, они не полны, но этого достаточно, чтобы подтвердить его выдающийся, едва ли не божественный талант.

— «Коль жизнь удалась, наслаждайся по полной, не смей под луною чашу держать пустой... Коль небо талантом тебя одарило — в дело его пускай...» Хм, Фэй Юэлю, похоже, я сильно тебя недооценил. Раньше ты был лишь незначительной пешкой в моей игре, но теперь всё иначе.

«Интересно! Я не ошибся в тебе. Твоя проницательность не укрылась от меня. Зачем ты скрываешь свой гений? Чего ты добиваешься?»

— Е, ты приставлен к школе Чжэнъи, чтобы следить за Лэн Циннин. Но с этого дня не спускай глаз и с Фэй Юэлю.

Человек в чёрном склонил голову:

— Слушаюсь, господин.

— Ступай.

***

— Управляющий! Где управляющий?! — яростный женский крик разогнал воробьёв с крыши поместья.

— Старшая госпожа, что заставило вас так гневаться? — в комнату неспешно вошёл мужчина в лазурных одеждах.

После ухода дяди Лю Фэй Мочоу сама нашла и наняла нового управляющего. Сунь Цин был молод, статен, обладал острым умом и умел ладить с людьми. Фэй Мочоу ценила его за деловую хватку.

— Выволоки эту длинноязыкую девку во двор и всыпь ей пятьдесят палок! — Мочоу, оперев руки в бока, указала пальцем на заходящуюся в рыданиях служанку Сяо Жун.

Она была вне себя от ярости. Как эта девка посмела при ней поминать ненавистную принцессу, заявляя, будто господину Баю под стать только знатная столичная дева! Если бы Мочоу могла раскрыть свою истинную личность, ни одна женщина в империи не смела бы с ней равняться! Но она была вынуждена молчать, глотать обиды и терпеть унижения. Её гордость была уязвлена до предела, и наглуую рабыню следовало проучить так, чтобы другим неповадно было.

— Не надо! Старшая госпожа, пощадите! Это я сглупила, язык мой — враг мой! Пощадите, госпожа, я не переживу такой кары! Пощадите! — Сяо Жун на коленях подползла к Мочоу, хватаясь за подол её платья. Её худое тельце сотрясала крупная дрожь.

— Пошла прочь! — Мочоу брезгливо пнула служанку. Выражение её лица не оставляло сомнений: палок не избежать.

Сунь Цин мысленно посочувствовал бедняжке, но лишь подал знак стоявшим позади слугам:

— Уведите её.

— А-а-а! Пощадите! Старшая госпожа!.. — Сяо Жун уволокли двое дюжих молодцов.

Её отчаянные крики заставляли прочих слуг холодеть от ужаса. Все знали, что старшая госпожа, в отличие от своего брата, крайне завистлива и болезненно горда. С тех пор как она влюбилась в Бай Цзинчэня, её характер испортился окончательно, и гнев её то и дело обрушивался на челядь. Мочоу ненавидела своё происхождение, ненавидела высокомерие принцессы, и Сяо Жун сегодня просто подвернулась под горячую руку.

— Госпожа, успокойтесь. Это всего лишь неразумная рабыня, не стоит тратить на неё нервы. Скоро придёт учительница музыки, не позволяйте такой мелочи расстроить вас, — Сунь Цин строго взглянул на застывших слуг. — Чего застыли? Живо приберите в комнате! Сяо Хуань, Сяо Юй, помогите госпоже переодеться!

— Слушаемся!

— Хм! Неужели в этом доме нет слуг поумнее? — Фэй Мочоу постаралась унять ярость.

Чтобы стать настоящей аристократкой, она велела управляющему не жалеть денег на лучших учителей. Музыка, шахматы, поэзия, живопись — она намеревалась довести свои манеры до совершенства, чтобы эти столичные куклы не смели смотреть на неё свысока. Она должна терпеть. Чтобы стать женой Бай Цзинчэня, она прежде всего должна заставить его восхищаться собой.

Когда Мочоу ушла в музыкальный класс, слуги наконец перевели дух.

— Господин управляющий, как же Сяо Жун...

— Остаётся только молиться. Я не могу нарушить приказ госпожи, — Сунь Цин достал из-за пазухи маленький фарфоровый флакон и протянул его Сяо Хуань. — Здесь отличное средство от ран. Возьми.

Сяо Хуань расплакалась, она судорожно закивала, шепча слова благодарности. Управляющий казался суровым, но сердце у него было добрым — он часто втайне помогал слугам.

— Сегодня возвращается молодой господин. Надеюсь, он успеет... — Сунь Цин вздохнул. — Хотя вряд ли.

Слуги оживились:

— Молодой господин возвращается? Слава небу!

— Наконец-то...

Весь дом любил приветливого и доброго Лу Эня. Когда он был рядом, Мочоу хоть немного сдерживала свой нрав.

— А когда он приедет?

— За ним уже послали. Должен быть к полудню.

Все замолчали. Сяо Жун могла не дотянуть до полудня.

***

«Больно... как же больно...»

Потирая виски, Лу Энь страдал от похмельной мигрени всю дорогу. Этот урок он запомнит навсегда: больше никакого спиртного! Голова, казалось, вот-вот расколется надвое.

— Ну зачем было так напиваться? Всё ещё болит? — Бай Цзинчэнь мягко коснулся его лба.

Потоки целительной энергии принесли мгновенное облегчение, и Лу Энь довольно замурлыкал. Тонкий, едва уловимый аромат окутал его, даря покой.

— Хи-хи, ну точно котёнок.

«М-м-м... как хорошо... Котёнок... КОТЁНОК?!»

Лу Энь внезапно подскочил в объятиях Бай Цзинчэня, совершенно позабыв, где находится. Результат не заставил себя ждать: он с глухим стуком ударился затылком о крышу кареты.

— У-у-у... — Лу Энь схватился за голову, не в силах вымолвить ни слова от боли. Он непроизвольно расплакался.

«Больно-то как!!! Неужели моё проклятие связано с кошками?»

— Юэлю, ты как? Дай посмотрю! — Бай Цзинчэнь хоть и не понял причины столь резкого прыжка, но звук удара был таким, что ему самому стало не по себе.

Он притянул Лу Эня к себе и осторожно убрал его руки от затылка.

— Кровь идёт... Ну что же ты такой неосторожный? Очень больно? — он подложил под голову юноши мягкую подушку, чтобы смягчить тряску, и принялся умело обрабатывать рану. — Голова не кружится? Не тошнит?

— Вроде... нормально... — только слёзы всё капали и капали.

Бай Цзинчэнь разорвал подкладку своего одеяния, чтобы сделать повязку. Его движения были точными — он справлялся не хуже заправского лекаря.

— Зачем ты так прыгнул? Это же опасно.

— Хе-хе... Пожалуйста, никогда больше не произноси это слово.

Бай Цзинчэнь замер:

— Какое слово?

—...

—...Котёнок?

Лу Энь мелко задрожал.

Чувствуя эту дрожь, Лу Энь внезапно приподнялся и яростно посмотрел на Бай Цзинчэня, который из последних сил сдерживал смех.

— Смейся, если хочешь! Нечего тут корчиться! — затылок горел огнём, а внутри закипало

негодование.

— Пфф... Ха-ха-ха! — Бай Цзинчэнь отбросил свою вечную невозмутимость и расхохотался во весь голос. — Боги, Юэлю, ты просто чудо! Бояться кошек... Ха-ха-ха!

— ПРЕКРАТИ СМЕЯТЬСЯ! — Лу Энь, стиснув зубы, бросился на него, намереваясь вцепиться в шею. «Неужели страх перед кошками — это так смешно?!»

Перехватив его руки, Бай Цзинчэнь сквозь смех проговорил:

— Милый Юэлю, я впервые в жизни так смеюсь. Ты — моя радость, честное слово.

Он нежно обнял его, и голос его стал мягким, обволакивающим.

«Больно... Хоть его смех и заслуживал хорошей затрешины, сил на споры не осталось. У-у-у... „Когда Небо возлагает на человека великую миссию, оно прежде подвергает его сердце страданиям, изнуряет его мышцы и кости, томит его плоть голодом...“ Я стерплю. Мечь — это блюдо, которое подают холодным!»

Слушая его обиженное бормотание, Бай Цзинчэнь сам не заметил, как улыбнулся, а его взгляд наполнился непривычной теплотой.

Карета медленно въезжала в Тяньцзин. Шум улиц оставался снаружи, а впереди Лу Эня ждала прелюдия к самому страшному кошмару.

***

«Сестра изменилась!»

Глядя на Сяо Жун, которая лежала на кровати без сознания, с изорванной в клочья спиной, Лу Энь застыл от ужаса. Его не было всего три месяца, как дом превратился в застенок?

— Молодой господин, Сяо Жун уходит... — Сяо Хуань и Сяо Юй плакали навзрыд, оплакивая подругу.

Придя в себя, Лу Энь закричал на Сунь Цина:

— Где лекарь?! Почему до сих пор нет лекаря?!

— Я уже послал за ним, но боюсь, он не успеет. Молодой господин, примите мои соболезнования.

— Довольно!

Голова раскалывалась от крика. В ярости Лу Энь оттолкнул всех и бросился к окну. В его голове пронеслись сотни способов спасения. Схватив кисть, он начал стремительно писать на бумаге. Он надеялся на чудо, и стоило ему закончить, как лист в его руках вспыхнул мягким лазурным светом.

Водный талисман исцеления. Кому, как не ему, обладателю стихии воды, было под силу пробудить его мощь?

— Это... это же... — слуги мгновенно поняли, что замышляет молодой господин, и в их глазах забрезжила надежда.

Лу Энь кинулся к кровати. Сяо Жун была на грани смерти. Он создал три талисмана: первый — для защиты разума, второй — для поддержки сердца, третий — для заживления ран. Это должно было максимально защитить её органы, разогнать внутренние гематомы и позволить живительной силе воды унять невыносимую боль. В храме Инцзюэ он не тратил время зря.

Никто не смел шелохнуться. Все затаили дыхание, глядя, как он, закрыв глаза, отдаёт все силы спасению служанки. Когда догорела палочка благовоний, Сунь Цин подхватил пошатнувшегося Лу Эня и усадил его в кресло.

Сяо Юй вытирала пот со лба молодого господина, Сяо Хуань подала ему чай, едва сдерживая слёзы благодарности.

Подоспевший старый лекарь уже деловито проверял пульс больной. Слуги, не дожидаясь команд, принялись менять воду и помогать старику.

Омыв руки, лекарь поклонился:

— Жизнь девушки вне опасности. Я выпишу рецепт — принимать трижды в день и ни в коем случае не мочить раны. Молодой организм быстро оправится. Хе-хе, не зря о господине Фэн И ходят легенды. Если бы не ваша помощь, я был бы бессилен.

— Пустяки, лекарь, вы мне льстите, — Лу Энь смутился.

Главное, что Сяо Жун будет жить. Теперь остался разговор с сестрой.

— Позвольте мне осмотреть и вашу рану, господин.

— Ах, да.

Бай Цзинчэнь довёз его до ворот и уехал во дворец, а повязка на голове Лу Эня была такой приметной, что даже старый слуга, открывший дверь, едва не лишился чувств.

Лекарь осторожно снял бинты.

— У вас содран скальп и задета кость. Рана не пустяковая, но и не смертельная. Вам крупно повезло, что кто-то смазал её столь редкой Мазью ста ядов от гематом.

«Мазь ста ядов от гематом? То прохладное средство, что использовал Бай Цзинчэнь?»

— Она дорогая?

— Разве вы не знаете? Это редчайшее снадобье, которое доступно лишь высшей знати. Один флакон стоит не меньше сотни золотых.

Лу Энь почувствовал, как в груди разливается странное тепло. Бай Цзинчэнь отдал ему столь ценную вещь...

— По вашим словам кажется, будто вы меня знаете.

Лекарь, накладывая свежую повязку, улыбнулся:

— Господин Фэн И, в миру Фэй Юэлю, вы — спаситель Тяньцзина. Ваше выступление на государственном пиру потрясло всех, о вашем таланте слагают легенды. В Башне Талантов вывесили ваши труды для изучения, а соискатели в Павильоне Хунту мечтают хотя бы о минутном совете от вас.

«Да быть не может! Слишком быстро, слишком преувеличено!» Лу Энь нахмурился, всерьёз раздумывая, не стоит ли ему впредь закрывать лицо, выходя из дома.

— Молодой господин, на улицах и впрямь только об этом и говорят, — вставил Сунь Цин. — К тому же император назначил вас академиком. Посетителей будет только прибавляться, в поместье станет беспокойно. — Как управляющий, он добавил: — Слуги должны держать язык за зубами, никаких взяток за аудиенцию. Порядок будет строгим до самого вашего вступления в должность.

— Да, это на тебе. Избегай встреч, сейчас не время для лишнего внимания. Если приму одного — не смогу отказать другому. Подождём, пока этот шум уляжется.

Лекарь отдал рецепт Сунь Цину:

— Это для господина. Удар по затылку — дело серьёзное. Принимать раз в день в течение десяти суток.

Заплатив за приём, Лу Энь велел:

— Гуанфу, проводи лекаря.

Посыльный почтительно вывел старика. Сунь Цин тоже откланялся — дел в поместье было невпроворот.

Немного отдохнув и восстановив силы, Лу Энь обдумывал свои дальнейшие шаги.

— Молодой господин, где подавать обед?

— Уже полдень? — он встал. Голова всё ещё немного кружилась, но в целом он чувствовал себя неплохо. — Сяо Хуань, останься с Сяо Жун. Можешь не заниматься делами, пока она не встанет на ноги. Сяо Юй, веди меня в музыкальный класс.

— Господин, нельзя! — Сяо Юй побледнела.

— Почему?

— Мы — всего лишь никчёмные слуги, не стоит вам ссориться со старшей госпожой из-за нас...

— Сяо Юй, все мы люди. Деление на богатых и бедных — лишь выдумка. В моих глазах вы — это вы, и никаких ярлыков. Довольно слов. Веди!

Она расплакалась от благодарности. Вытирая лицо краем рукава, она решительно кивнула.

***

«Обида в бровях затаилась невольно... Чувства проснулись внезапно и больно...» — из музыкальной комнаты доносилось пение, полное тоски и нежности. У Фэй Мочоу был прекрасный голос.

Лу Энь ворвался внутрь без стука. Не обращая внимания на учительницу, он обратился прямо к сестре:

— Сяо Жун ошиблась случайно, зачем было забивать её до смерти?! Сестра, тебе не кажется, что это слишком?!

— Юэлю! Как ты смеешь вести себя так вызывающе?! — Мочоу убрала пальцы со струн и гневно посмотрела на него. — Три месяца в храме совсем лишили тебя манер? Ты теперь академик, назначенный императором, не позорь нашу семью! Сяо Юй, как я тебя учила? Привела брата без доклада — палок захотела?

Лу Энь опешил. Сестра впервые заговорила с ним в столь холодном, менторском тоне.

— С-старшая госпожа... — Сяо Юй тут же заикалась.

— На сегодня урок закончен. Если госпожа будет усердно тренироваться, эта мелодия потрясет любого, — заговорила учительница.

К удивлению Лу Эня, это была женщина в алом прозрачном шёлке. Она смотрела томно, а её алые губы манили — красотой она едва ли уступала Лэн Циннин. Она грациозно поднялась и поклонилась: — Ляньсин приветствует господина Фэн И.

— Госпожа Ляньсин слишком добра, — Лу Энь вежливо поддержал её за локоть. — Я слышан о вашем непревзойдённом мастерстве. Увидеть вас сегодня — большая честь.

Он знал, что Ляньсин — знаменитая куртизанка, любимица знати, чьи связи тянулись от трущоб до императорского дворца. Что заставило такую женщину стать простой учительницей музыки для его сестры?

— Хи-хи, господин умеет льстить. А ведь минуту назад вы были так разгневаны, что я едва не лишилась чувств от страха, — она кокетливо взглянула.

— Прошу прощения, это была моя вина. Надеюсь на ваше великодушие, — улыбнулся Лу Энь.

— Господин только вернулся, не буду мешать воссоединению семьи. Прощайте.

Она снова поклонилась и вышла в сопровождении Сяо Юй. Лу Энь проводил её взглядом, чувствуя, как внутри шевелится холодная змейка беспокойства.

— Хватит глазеть. Тебе она не по зубам.

Лу Энь нахмурился:

— Сестра, с каких пор твои слова стали такими ядовитыми?

— Молчи! Я говорю за отца! Я — хозяйка, Сяо Жун — рабыня. Хозяйка имеет право наказывать нерадивую девку. Если не приструнить одну, другие завтра сядут на шею. Это был урок для

всех. Пятьдесят палок — это ещё милосердно. Что, решил разругаться с сестрой из-за паршивой девки?

Мочоу скривилась от нескрываемого отвращения.

Лу Энь знал, что она влюблена в Бай Цзинчэня, но не думал, что эта страсть сделает её столь мелочной и жестокой. Попытавшись успокоиться, он серьёзно спросил:

— Что произошло, пока меня не было?

Мочоу на мгновение замерла. Он попал в точку.

После долгого молчания она вдруг осела на пол и беззвучно зарыдала. Лу Энь не выдержал, присел рядом и обнял её. Что-то действительно сломало её.

— Неужели и ты меня презираешь? Для кого я так стараюсь? Убийца отца не найден, второй брат пропал, мы потеряли всё... Мне страшно, но я не могу это показать! Мы бежали сюда, начинали с нуля, едва сводили концы с концами. Ты, наивный мальчишка, даже не представляешь, как тяжело женщине выживать в этом мире! Наконец дела пошли в гору, я встретила человека своей мечты, ты стал академиком... Я думала, что стала к нему ближе, но как же я ошибалась! Сколько бы у нас ни было денег, мы остаёмся для них «деревенщиной» без рода и племени. Здесь ценят только власть и статус. Для них я — пустое место, прах под ногами. Каждая из этих столичных дев считает своим долгом посмеяться надо мной...

— Сестра... — Лу Эню стало невыносимо больно.

Он совсем забыл, что Мочоу до приезда сюда была простой деревенской девушкой. Она не знала жестоких законов столицы, и внезапное богатство стало для неё не благом, а источником колоссального стресса. Она была бессильна против тех, кто вырос в интригах и роскоши.

— Они все смотрят на меня свысока... Я так злилась! Почему я всегда должна кланяться? Это несправедливо!

Она выплеснула всю свою горечь в этом рыдании. Лу Энь впервые видел её такой беззащитной.

Пока она била его кулаками в грудь, он корил себя за невнимательность. «Лу Энь» был брошен родными, его приёмный отец умер — у него не осталось связей с прошлым. Но у «Фэй Юэлю» была семья. Отец убит, вторая сестра исчезла, осталась только Мочоу. А он, занятый своими делами, не замечал, как её травят и унижают.

— Прости меня, сестра, прости... С этого дня я защищу тебя. Больше никто не посмеет тебя обидеть!

***

— Господин, почтовый голубь, — страж почтительно передал птицу и удалился.

Юань Цин обменялся взглядом с рослым мужчиной, сидевшим в комнате, и быстро просмотрел записку.

— Верно. Старший принц отправил своих людей в Тяньцзин, — мужчина прищурился, и в его взгляде блеснул опасный огонёк.

— Это только подтверждает, что второй принц может скрываться именно здесь, — Юань Цин сжёг послание над свечой. — Князь догадывался, что старший принц не потерпит конкурентов и пойдёт на убийство. Потому он и отправил меня в Фэйюнь под видом посольства — тайно искать следы второго принца.

— Ты не сможешь оставаться здесь вечно, Бай Цзинчэнь заподозрит неладное.

— Потому я и позвал тебя. Я верю в твои способности, глава Цуй.

Мужчина на мгновение замолчал.

— Что, не хочешь ввязываться?

— Я по-прежнему не в восторге от твоей службы при дворе, но если ты просишь о помощи — я не откажу, — он горько усмехнулся.

Юань Цин понимающе кивнул старому другу.

— Через три дня я уезжаю. Ты займёшься поисками. Защити второго принца любой ценой. И ещё... если сможешь, обрати внимание на тех, у кого на ключице есть знак трилистника. Доставь их в Фэнтянь вместе с принцем.

— Понял.

Тень мелькнула, и в полумраке комнаты Юань Цин остался один.

<http://bllate.org/book/17476/1693436>